

Как и все его литературное поколение, Лесков, по известному определению, вышел из гоголевской «Шинели». Без Гоголя трудно представить себе Лескова, как и без Лескова, в свою очередь, невозможно представить Андрея Платонова. Но Лесков не просто связующее звено в литературной цепи, он своеобразное явление в искусстве слова. Ему удалось то, к чему тщетно стремился Гоголь во второй части «Мертвых душ»: показать положительные силы России. Лесков предельно самобытен: он создал свой особый язык, тот неподражаемый сказовый строй, какого не знала великая русская литература.

Я не умею и не стремлюсь писать «похоже» на Лескова. Но когда меня спрашивают, у кого я учился, я первым называю автора «Очарованного странника», потому что ничего не читал с таким упоением и чувством родства, как «Соборян», «Запечатленного ангела», «Тупейного художника», «Несмертельного Голована», «На краю света»... Слишком много места заняло бы это перечисление. Правда, я не перечитываю романов, которыми Лесков начинал, хотя они плоть от плоти писателя. Лесков был очень горячий, нетерпимый человек, и порой из-под его пера выходили те «отомщательные» и художественно несовершенные произведения, о которых он сам потом сожалел.

Это был великий, хотя и смятенный дух. Человек трудной судьбы, страдавший и от внешних обстоятельств, и особенно — от собственного яростного, «печеночного» нрава.

Особая роль Лескова в русской литературе связана с тем, что, продолжая Гоголя, он помнил о Пушкине. Пушкин мог то, что, по словам Лескова, не под силу оказалось его наследникам в литературе — «описать кусок жизни и вместиť в него всю Россию». У Пушкина мы найдем и жалостную историю села Горюхина, и строгое не-

личие Петербурга, а в Петербурге встретим и самодержца Петра, и бедняка Евгения.

Приобретая все большую критическую направленность, послепушкинская литература быстро утрачивала ту жизненную полноту, которая была свойственна творчеству самого Пушкина.

И Лесков первый выводит на «Растеряеву улицу» русской словесности богатырей и праведников, красивых, самобытных, талантливых людей, которыми никогда не была бедна Россия, и возвращает отечественной литературе пушкинскую всеохватность.

Мне особенно радостно, что юбилей Лескова отмечается ныне по-настоящему широко и щедро, что начинает осознаваться истинный масштаб писателя, что Лесков окончательно утверждается на том высоком и почетном месте, которое отвел ему в русской литературе А. М. Горький.

Ю. НАГИБИН

Лит. газ. 1981,
ОСОБЕННАЯ
18 марта, № 12
СТАТЬ

ЛЕСКОВ — один из самых любимых моих писателей; к ним, кроме Пушкина, который один был целой литературой, относятся прежде всего Гоголь, Достоевский, Бунин, Андрей Платонов,